

Натали Рош

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ
СОЮЗ

Натали Рош
Универсальный союз

«Автор»

2026

Рош Н.

Универсальный союз / Н. Рош — «Автор», 2026

Действие разворачивается в мире фэнтезийного Средневековья, где магия — такая же обыденность, как чай с лунным мхом. Кай — бывший картограф, а ныне странник с мечом. Ивэ, исследовательница редких проклятий, владелица ядовитого огорода. Жёлудь — конь, который триста лет является бессмертным Хранителем Ключей. А также Таддеус — создатель несанкционированных порталов. Кай пытается спасти друга детства, который пятый год лежит, опутанный серебряным плющом, — проклятием, превращающим душу в растение. Для этого нужен артефакт, за которым герои отправляются в сердце горы Мёртвого Короля. Но добыть его — лишь полдела. Героям предстоит выяснить, что есть нюансы, а на горизонте уже маячит древний Охотник на Ведьм, который хочет получить артефакт себе. Главному герою предстоит понять, что делать, если твой друг превратился в растение, твой конь оказался Хранителем Ключей, твоя спутница — ведьмой с непрощённой обидой, а единственный способ спасти всех — заставить плющ и человека спорить о лютиках.

© Рош Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Знакомство	5
Глава 2. Дорога из костей и тумана	9
Глава 3. Мельница мёртвого мельника	12
Глава 4. Сердце горы	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Натали Рош

Универсальный союз

Глава 1. Знакомство

Старая, увитая плющом башня на отшибе королевства дрожала от раскатов грома. За окном ливень словно старался смыть это мрачное строение. Уставший путник ввалился внутрь, спасаясь от непогоды, и обнаружил, что место обитаемо.

В очаге потрескивал магический синий огонь, не дающий дыма. В воздухе пахло сушёными травами и старой бумагой. В кресле с высокой спинкой, укутавшись в плед из шкуры виверны, сидела девушка с книгой в руках. Она даже не подняла головы, когда дверь с грохотом захлопнулась за его спиной.

Он стряхнул ручейки с плаща и застыл на пороге.

– Простите великодушно. Думал, башня заброшена. Судя по паутине у ворот, тут лет сто никто не жил.

Она, не отрываясь от книги, спокойно перевернула страницу.

– Люди слишком полагаются на паутину. С пауками у меня уговор. Они не трогают мои свитки, я не разрушаю их сети у входа — отличная защита от незваных гостей.

Он усмехнулся, прислоняя промокший посох к стене.

– Выходит, я незваный гость?

Она подняла наконец глаза — в них отражалось синее пламя очага, зрачки вертикальные, как у кошки.

– Выходит, пауки сегодня плохо работали. Вы весь мокрый, от вас пахнет железом и старыми дорогами. Что вы забыли на краю Мглистого предела, путник?

Он медленно расстегнул пряжку плаща, не делая резких движений — он уже понял, что огонь без дров не сулит ничего хорошего.

– Ищу одну реликвию. Говорят, она способна разрушить чары. И говорят, её хранит ведьма, которая не очень-то любит гостей.

Она отложила книгу и чуть улыбнулась одним уголком губ.

– «Ведьма». Как грубо. Я предпочитаю «исследовательница редких проклятий и владельца крайне ядовитого огорода». Реликвия, говорите?

Окинула его оценивающим взглядом.

– Что ж, снимите мокрые сапоги у двери и поставьте чайник. Возможно, я соглашусь обсудить цену. А возможно, превращу вас в садового гнома. Зависит от того, насколько скучной окажется ваша история.

Он снял тяжёлые, пропитанные влагой сапоги и с некоторой опаской оставил их у порога:

– Садовый гном... У моего наставника был такой — терракотовый, с лопатой. Вечно пугал ворон. Не хотелось бы пополнить коллекцию.

Она кивнула на медный чайник, висящий над очагом на крюке, который сам собой раскачивался, будто его подталкивал невидимый сквозняк:

– Вода в колодце за дверью. Только не перепутайте ведро: слева, с руной «жизни», — для питья. Справа, с руной «сна», — для нежеланных гостей. Угадаете с первого раза — зачтётся в вашу пользу.

Он бросил на неё быстрый оценивающий взгляд:

– Ставки растут. А если я всё же перепутаю? Превратите в гнома с лопатой?

Она с тихим смешком, от которого пламя в очаге на мгновение изменило цвет с синего на изумрудный:

– О, нет. Тогда вы просто мирно уснёте, а я спокойно изучу ваши вещи, выясню, кто вы на самом деле, и утром, возможно, даже разбужу. Но чая вы так и не попробуете. А я, между прочим, завариваю отменный сбор: мята, горный тимьян и лепестки «кошачьего золота» — травы, которая не растёт южнее Мглистого предела.

Он вернулся с полным чайником и повесил посудину над огнём:

– Слева, с руной «жизни». Пришлось загадать про себя детскую считалку, чтобы не ошибиться. Надеюсь, я не выгляжу настолько подозрительно, чтобы вы решили меня всё-таки усыпить.

Она отложила книгу окончательно и жестом указала на низкий табурет напротив:

– Считалки — древняя магия, признаю. Присаживайтесь, путник. Итак, реликвия. Которая якобы разрушает чары. Уточните: любые чары? Даже те, что скреплены кровью и словом, данным до того, как мир раскололся на восток и запад?

Он сел, положив руки на колени — ладони развёрнуты, жест открытый, но на запястье мелькнул шрам, похожий на ожог от магической печати:

– Слухи ходят разные. Одни говорят — любые. Другие — что только те, что были наложены с нарушением равновесия. А мне нужно снять проклятие с человека, который... ну, скажем так, сам нарвался на него из-за излишнего благородства. И теперь спит в замке на северной границе, опутанный серебряным плющом, и видит только кошмары.

Она прищурилась, кончиком пальца начертила в воздухе крошечную светящуюся заколючку — и та, сверкнув, исчезла, как будто проверяя его слова на правдивость:

– Серебряный плющ... Что ж, правда, хотя и банально. Какой глупец полез в Родовой Лес и посмел коснуться Алтаря Луны? Или это вы и есть тот самый глупец, а «человек» — удобная легенда?

Он выдержал её взгляд прямо, не отводя глаз, хотя зрачки у неё всё ещё оставались вертикальными, и от этого по спине пробежал холодок:

– Я бы предпочёл сначала выпить чаю, госпожа исследовательница. За такие разговоры на трезвую голову мне однажды уже отрезали пол-уха.

Он отбросил мокрые волосы, показывая и впрямь слегка заострённое, но совершенно целое ухо:

– Шучу. Ухо на месте.

Она снова усмехнулась, на этот раз чуть шире:

– Чай — через три минуты. А вот ваше имя я бы хотела услышать сейчас. Потому что торговаться с безымянным странником — плохая примета даже для ведьмы, у которой в подполе растут ядовитые грибы и хранится прах трёх королей.

Он наклонил голову, словно взвешивая, и, наконец, произнес негромко:

– Зовите меня Кай. На севере добавляют «Буреход», но я это прозвище не очень люблю. А как мне обращаться к хозяйке башни, пауков и крайне ядовитого огорода?

– Ивэ. Можно без титулов. А теперь — чай. И, Кай-Буреход, не советую врать в моём доме. Чайник у меня тоже с характером: он закипает только от честных слов. Итак, ваша история. С самого начала. И без детских считалок.

Кай принял горячую кружку, согревая пальцы о гладкую керамику с синей поливой. От чая поднимался пар, пахнувший не только мятой и тимьяном, но и чем-то неуловимым — мокрой после грозы землёй, озоном, далёким костром. Он сделал осторожный глоток и почувствовал, как по телу разливается сухое, обжигающее тепло, выгоняя прочь липкую усталость дороги.

— Хороший чай, — признал он. — Похоже на «Северное пламя», только без привкуса дыма.

Ивэ кивнула:

— Потому что это и есть «Северное пламя». Но дым я заменила вытяжкой из лунного мха. Иначе от вашего промокшего плаща несло бы палёной шерстью до утра. Итак, Кай-Буреход... вы сказали — проклятие. Серебряный плющ. Кошмары. И человек, который «нарвался сам». Начните с имени. Кто спит в том замке?

Кай покрутил кружку в ладонях, глядя не на Ивэ, а на пляшущий синий огонь:

— Его зовут Эйдан. Эйдан из рода Эрд, младший сын лорда Северных Перевалов. Мы вместе росли, вместе учились держать меч и вместе однажды поняли, что мир трещит по швам, а взрослые делают вид, что всё в порядке. Пять лет назад его сестру зачаровали. Нет, не родовое проклятие. Кто-то целенаправленно вплёл ей в сознание ложную любовь, чтобы через неё подобраться к землям Эрдов. Эйдан пошёл в Родовой Лес искать Алтарь Луны — единственное место, где, по легендам, можно снять любое наваждение.

Ивэ резко перебила, чуть подавшись вперёд:

— Так-так. Коснулся алтарного камня голой рукой?

Кай мрачно кивнул:

— Коснулся. Сестру спас. Заклятье рассыпалось, ложная любовь истаяла, заговор раскрыли. Но взамен Лес взял своё: «Тот, кто просит разрыва чар, сам станет сосудом для сна без пробуждения». Плющ оплёл его за секунды. Мы успели вынести его тело, но душа... душа осталась там, в кошмарах. Пятый год он дышит, но не просыпается. Лекари, маги, даже один драконий оракул — все развели руками.

Он замолчал. В тишине слышно было, как капли за окном дробно стучат по плющу, оплетающему карниз.

Ивэ откинулась в кресле, задумчиво барабанила пальцами по подлокотнику, и ногти её на мгновение удлиннились, став почти когтями, а потом снова стали обычными:

— А вы пришли за реликвией, чтобы разменять свою жизнь на его. Я угадала?

В его взгляде не было страха — только усталая решимость:

— Вы очень догадливы. Я готов заплатить. Но не жизнью — у меня другая валюта. Я знаю, где находится Чёрная Слеза Айсхара.

Пламя в очаге на мгновение взвилось выше, став ослепительно-белым, а потом снова опало до синих язычков. Ивэ медленно выпрямилась, и улыбка сползла с её губ, оставив выражение холодного, расчётливого внимания.

— Вы либо безумец, либо самоубийца, либо лжётё. Чёрная Слеза утеряна уже тысячу лет.

— Я — третье. Я картограф. Точнее, был им до того, как стал бродягой с карающим мечом. И я нашёл карту. Настоящую. В животе каменной рыбы на дне Соляного озера. Чёрная Слеза — не утеряна. Она спрятана. И спрятана так, что без меня вы её не найдёте. А без вас, Ивэ, я не проведу ритуал обмена, потому что только Исследовательница Редких Проклятий знает, как разорвать хватку серебряного плюща, не убив при этом носителя.

Ивэ поднялась с кресла — и стало понятно, что ростом она неожиданно высока, плед из шкуры виверны упал, открывая стройную фигуру в чём-то среднем между мантией и дорожным платьем. На поясе у неё висел странный ключ, светящийся приглушённым фиолетовым:

— Допустим, я вам верю. Допустим, Чёрная Слеза существует. Но вы понимаете, Кай, что это не просто камень? Что это — застывшая слеза богини, плакавшей по миру перед его расколом? Что ею можно не только разрушать проклятия, но и создавать такие чары, от которых у богов волосы встанут дыбом? И вы предлагаете мне её вот так запросто, за чашкой чая?

— Не запросто. В обмен. Я веду вас по карте — вы помогаете мне разбудить Эйдана. Дальше делайте с реликвией что хотите. Хотите — изучайте. Хотите — спрячьте ещё надёжнее. Мне нужен друг. А не могущественный артефакт.

Ивэ приблизилась — бесшумно, словно кошка; от неё пахло полынью и какой-то тёплой смолой:

— А если я завладею картой и убью вас прямо здесь? Пауки у входа уже сплели свежую сеть. Никто не узнает.

Кай вздохнул:

— Я уже убил троих, которые пытались. И не потому, что я хороший воин, а потому, что карта, Ивэ... она у меня не на бумаге. Она у меня в голове. В виде ста двадцати шести образов, которые я могу сложить только по вашей просьбе. Убьёте меня — и Слеза останется в недрах горы Мёртвого Короля ещё на тысячу лет. А вы, кажется, не из тех, кто разбрасывается такими возможностями.

Ведьма замерла. Потом её губы дрогнули, и она вдруг расхохоталась — низким, горловым смехом, от которого где-то в углу зашелестели страницы запретных фолиантов.

— Договорились, Кай-Буреход. До горы Мёртвого Короля три дня верхом. Надеюсь, ваша лошадь не боится ни упырей, ни грозových духов.

— Моя лошадь боится только мышей. Но это, клянусь, не помешает ей скакать быстрее ветра.

Ивэ улыбнулась и вдруг подмигнула — по-девичьи, лукаво, и кошачьи зрачки на мгновение расширились, став почти человеческими:

— Тогда последний вопрос, пока чай не остыл: почему вы так уверены, что я вообще умею разрушать проклятия, а не только насылать их?

Кай сделал глоток и вернул ей улыбку — открытую, хотя и с тенью былой боли:

— Потому что пауки впустили меня. А у них, как вы сказали, с вами уговор. Значит, вы не та, кем хотите казаться, Ивэ. И это вселяет надежду.

За окном гроза пошла на убыль. Синий огонь уютно мурлыкнул, а чайник одобрительно свистнул.

Глава 2. Дорога из костей и тумана

Дождь кончился так же внезапно, как начался, словно кто-то на небесах задвинул небесную заслонку. От мокрой земли повалил белёсый пар, цепляясь за корни деревьев и превращая знакомую тропу в русло призрачной реки.

Ивэ вышла первой, закутанная в дорожный плащ с глубоким капюшоном, из-под которого не было видно лица со странными кошачьими зрачками. Только голос доносился глухо, но отчётливо:

— Ваша лошадь, Кай-Буреход, привязана у старой ольхи. Если она не сожрала мои акониты, то ещё жива.

— Она предпочитает лютики, — отозвался Кай, застёгивая на плече перевязь с мечом и поправляя потрёпанный дорожный мешок. — И, предупреждаю сразу: «лошадь» зовут Жёлудь.

— Жёлудь? — Ивэ на мгновение обернулась, и в прорези капюшона мелькнул изогнутый рот. — Вы шутите.

— Ничуть. Я выиграл его в кости у одного конюха в Предгорьях. Прежнее имя было «Громовой Вепрь», но вы бы видели эту животину. Она пугается грозы и мышей. Никакой не вепрь. Самый настоящий жёлудь.

Из-за деревьев и впрямь донеслось приветственное ржание, в котором было больше обиды, чем радости.

Ивэ щёлкнула пальцами, отчего ближайšie кусты раздвинулись, открывая узкую тропку:

— Ждите здесь. У меня свой транспорт.

Она исчезла за пеленой тумана, а через несколько минут вернулась, ведя на поводу существо, которое Кай поначалу принял за очень большую лису. Существо оказалось зверем с серебристо-серой шерстью, длинным хвостом, похожим на кисточку для каллиграфии, и умными глазами янтарного цвета. На спине у него красовалось лёгкое седло без стремян, расшитое блёклыми рунами.

— Знакомьтесь: Зола, — бросила Ивэ, запрыгивая в седло. — Полукровка: мать — степная эффа, отец — дикий виверн. Летать не умеет, но бежит быстрее любой вашей северной кобылы. И не боится ни упырей, ни грозových духов.

Зола повела носом в сторону Жёлудя и издала звук, подозрительно похожий на усмешку. Конь Кая буланой масти и слегка пузатый, скосил на неё влажный глаз и фыркнул.

— Не ревнуй, — пробормотал Кай, забираясь в седло. — Ты всё равно мой любимый вепрь.

Ивэ тронула поводья и направила Золу в туман:

— До горы Мёртвого Короля три дня. Если ехать напрямик. Но напрямик — это через Зыбкие Топи.

Кай нахмурился, нагоняя её и пристраивая Жёлудя рядом:

— Зыбкие Топи? Слышал о них. Говорят, там болото меняет очертания каждые полчаса, а на кочках растут цветы, которые плачут человеческими голосами.

Ивэ пожала плечами:

— Не совсем. Цветы плачут не голосами, а последними словами утонувших. Это разные вещи. Но через Топи путь короче на целый день. А я так поняла, что время для вашего Эйдана — не роскошь.

Кай помрачнел:

— Вы правы. Пятый год пошёл. С каждым месяцем серебряный плющ врастает глубже. Лекари говорили, если ничего не сделать до десятой зимы — он просто истает. Тело останется, а душа уже нет.

Повисла пауза, нарушаемая только хлопаньем копыт по раскисшей земле и далёким криком одинокой вороны.

Ивэ окликнула, не оборачиваясь:

— Кай.

— Да?

— Десятая зима ещё не наступила. Мы успеем. Я не обещаю, что будет легко, но я обещаю, что мы доедем.

Кай выдохнул облачко пара:

— Спасибо, Ивэ.

— Не благодарите раньше времени. Вы ещё не видели, что я беру в оплату за телепортационные амулеты. У меня очень дорогие привычки: грибы из Бездны, перья феникса для чернил и ужасно неудобная тяга к справедливости. Последняя, говорят, вообще неизлечима.

Она пришпорила Золу, и зверь рванул вперёд, оставляя на мокрой траве росчерки длинных когтей. Жёлудь всхрапнул и неожиданно резво ускорился, так что Каю пришлось пригнуться к гриве.

Туман сгущался. Лес редел, уступая место чахлым кустарникам и осоке. Где-то впереди, за пеленой белого марева, земля кончалась — и начинались Зыбкие Топи.

Ехали молча около часа. Дорога стала мягкой, предательски чавкающей под копытами; то тут, то там из-под земли выбивались струйки болотного газа. В воздухе запахло сладковатым тленом и ещё чем-то — едким, как старая кровь.

Первой заговорила Зола: она издала низкий горловой звук и остановилась.

Ивэ натянула поводья:

— Стоп. Впереди кто-то есть.

Кай выхватил меч — сталь тихо запела, выходя из ножен:

— Упыри? Разбойники?

Ивэ принялась, и на мгновение её капюшон сдвинулся, открывая напряжённый профиль с побелевшими ноздрями:

— Хуже. Болотный говорун.

— Кто?

Из тумана выступила фигура. Поначалу она казалась человеческой — сгорбленный старик в рваной хламиде, с палкой в руке. Но когда расстояние сократилось, стало видно, что никакой это не старик, а существо, собранное из болотной травы, тины и обломков костей, с глазами-гнилушками. Оно открыло рот — провал без дна — и заговорило голосом, склеенным из десятка разных голосов:

— Приве-е-етствую вас, путники... Заплати-и-ите-е дань — и про-ой-дёте. Или сти-и-инете в тряси-и-не...

Ивэ ответила спокойно, но с металлом в голосе:

— Мы не торгуемся с ходячими голосами. Уйди с дороги.

Говорун наклонил голову, кости заскрежетали:

— Тогда-а предло-о-жим игру... Загадку. Не отгада-аете — ваши души оста-анутся здесь на ве-е-ек...

Кай сквозь зубы тихо спросил:

— Может, просто снести ему башку?

Ивэ так же тихо, одними губами:

— Не получится. Это не живая тварь. Это проклятие, обретшее голос. Снесём — расплется на десяток таких же. Придётся играть.

Она выпрямилась в седле и громко, так что туман дрогнул, произнесла:

— Говори свою загадку, болотный дух. Но если мы отгадаем — ты не только пропустишь нас, но и укажешь самую твёрдую тропу через Топи.

Говорун заклокотал, ворочая внутри себя костями, будто пережёвывал слова:

— Слу-у-шайте... Я — начало конца, я — конец начала. Меня не видят, но боятся. Меня не слышат, но ждут. Что я?..

Повисла звенящая тишина. Жёлудь нервно переступил с ноги на ногу. Зола прижала уши и зашипела.

Кай прошептал:

— Начало конца... конец начала... Это «молчание»? Или «пустота»?

Ивэ прищурилась, глядя на говоруна, и вдруг улыбнулась — той самой улыбкой, от которой у Кая в башне по спине бежал холодок:

— Нет, Кай. Это не молчание. Это тишина. Тишина — начало конца разговора. Тишина — конец начала звука. Её не видят, но боятся. Её не слышат — потому что в ней нечего слышать — но ждут.

Она преувеличенно вежливо склонила голову:

— Ответ: тишина. Пропускай!

Говорун замер. Потом его глаза-гнилушки погасли, кости с негромким стуком осыпались в осоку, а туман расступился ровно настолько, чтобы открыть узкую гать, выложенную камнями, поросшими мхом.

— Иди-и-ите... — прошелестел уже затихающий голос из-под земли. — Твёрдая тропа... до старой ме-е-ельницы...

Кай убрал меч в ножны:

— Ивэ, напомните мне никогда не играть с вами в загадки на ставку.

Ивэ пожала плечами:

— Я предпочитаю садовые шахматы. Там хотя бы можно жульничать, и фигурки из фарфора красиво взрываются. Поехали. До темноты нужно добраться до мельницы. Ночью на болотах ходят тени тех, кто загадок не отгадал, а я не настроена пополнять их компанию.

Она тронула Зола, и зверь бесшумно ступил на мшистые камни. Жёлудь всхрапнул и неожиданно для себя самого бодро потрусил следом, а Кай, глядя в прямую спину Ивэ, вдруг подумал: что ещё скрывается за этой странной, колючей женщиной, кроме грибов, проклятий и неудобной тяги к справедливости?

Тоги сомкнулись за их спинами, и туман поглотил стук копыт.

Глава 3. Мельница мёртвого мельника

Гать вывела их к островку твёрдой земли, когда солнце уже наполовину утонуло в болотной жиже, окрасив туман в тошнотворный оранжево-лиловый цвет. Мельница стояла на пригорке — покосившаяся, трухлявая, с обломанными лопастями, которые не крутились уже, наверное, лет сто. Из единственного окошка на втором этаже пробивался слабый, дрожащий свет — не магический, а самый обычный, свечной.

— Там кто-то живёт? — Спросил Кай, спешиваясь и похлопывая нервного Жёлудя по мокрой шее.

— Не «кто-то», а «что-то», — Ивэ мягко соскользнула со спины Золы и одёрнула плащ. — Мельник. Когда-то был человеком, потом нарушил договор с болотом, и теперь он — часть мельницы, а мельница — часть его. Гостей не ест, но и чаю не предложит. Зато у него есть сухой угол для ночлега, а нам, Кай, нужен отдых. Жёлудь ваш, кажется, скоро начнёт молиться лошадиным богам.

Жёлудь и впрямь тяжело дышал и косился на сгущающуюся тьму с видом существа, которое искренне сожалеет о всех лютиках, съеденных за свою жизнь.

Скрипучая дверь отворилась прежде, чем они успели постучать. На пороге стоял хозяин. Высокий, неестественно тощий, с серой, как древесная кора, кожей и глазами, в которых плавали мутные бельма. Вместо левой руки — деревянный протез, грубо вырезанный в форме мельничного колеса. Одежда его была запорошена мучной пылью, но пыль эта не осыпалась, а будто въелась в ткань намертво.

— Путники, — проскрипел он голосом, похожим на скрежет жерновов друг о друга. — Входите. Плату за ночлег беру историями. По одной с каждого. Если история понравится — получите сена для коня и вашей зверюги. Если нет — спите на голом полу.

Ивэ бросила на Кая короткий взгляд и чуть заметно кивнула. Мол, не спорь, правила здесь диктует не гостеприимство, а болотный уговор.

Внутри мельница оказалась просторнее, чем снаружи. Главный зал освещался той самой свечой, что горела в окошке — одинокой, но дающей на удивление много света. В углу стояла железная клетка, внутри которой что-то слабо шевелилось и поскуливало. При ближайшем рассмотрении это оказался не зверь, а комок перекрученных теней. Мельник заметил взгляд Кая и пояснил всё тем же скрежещущим голосом:

— Неудачная история. От прошлого гостя. Хотел обмануть — теперь воет. Садитесь.

Они сели на деревянные лавки возле пустого очага. Мельник опустил напротив, сложил руки — живую и деревянную — на коленях и уставился бельмами прямо на Кая.

— Мужчина первый. Рассказывай. Только не лги — мука в моих жилах чувствует ложь, как запах гнили.

Кай помолчал, собираясь с мыслями. Потом заговорил — негромко, но ровно, глядя на свечное пламя:

— Это случилось семь лет назад. Я тогда ещё не был картографом, а служил проводником при северном посольстве. Мы везли мирный договор через перевал, который называют Пастью Упыря. Нас было двадцать человек. Вернулись трое. В середине перевала на нас вышли не упыри, нет. Вышла женщина. Совсем юная, замёрзшая, в рваном платье. Сказала, что её деревню вырезали горные тролли, что она одна выжила и три дня брела по снегу. Капитан стражи велел взять её с собой. Я не спорил. Мне было двадцать два, и я верил, что спасение прекрасных дев — часть работы. Три дня она ехала со мной на одном коне. Молчала. Только улыбалась. А на четвёртую ночь, когда луна стала красной, я проснулся от криков. Она стояла посреди лагеря, и её рот был раскрыт так широко, что челюсть касалась груди, а из горла выходил туман. Не простой туман — он полз к нашим людям и выпивал их. Не кровь. Сны. Он

выпивал их сны, а без снов человек превращается в пустую оболочку. Мой наставник, старый воин по имени Орвин, успел сунуть мне в руки зеркальце — маленькое, серебряное, со сколом на уголке. «Заставь её увидеть себя», — крикнул он. И я успел. Я поймал её отражение, и она закричала, увидев, кто она на самом деле. Одна из Дочерей Кошмара. Древняя сущность. Она растаяла. Но из двадцати нас осталось трое.

Мельник кивнул, и жернова где-то внутри него заворочались медленно, одобрительно:

— История про урок. Хорошо. Твоё сено будет мягким, путник. Теперь ты, — он повернул голову к Ивэ, и в его бельмах что-то блеснуло. — Ведьма. От тебя я жду историю длиннее.

Ивэ откинула капюшон. Её волосы цвета тусклой меди рассыпались по плечам, а в глазах снова стояли вертикальные зрачки. Она выдержала долгую паузу, потом начала — и голос её звучал иначе, чем прежде. Без обычной усмешки. Глубже. Старше.

— Я родилась не такой, как сейчас. У меня было обычное имя, обычные родители и обычная деревня на границе королевства. Отец был мельником, кстати. Как ты.

Мельник вздрогнул. Деревянное колесо на его протезе скрипнуло, сделав четверть оборота.

— Моя мать умела заговаривать хлеб от гнили, а отец — слушать зерно. Не магия. Просто чутьё. Мы жили тихо, пока в деревню не пришёл человек, называвший себя Охотником на Ведьм. Он искал тех, у кого «нечеловеческая кровь». У меня её не было, но ему было всё равно. Ему платили за головы. Он сжёг мельницу. Отца — в ней. Мать забили камнями на площади за то, что она пыталась закрыть меня собой. Меня, десятилетнюю, Охотник увёз с собой в клетке. Сказал, что воспитает из меня «правильную ведьму», которая будет охотиться на своих же. Чтобы заслужить жизнь, я должна была выдать других — соседей, знахарок, просто неудобных женщин с красивыми волосами или родимым пятном на щеке. Три года я жила в его подвале. Три года он учил меня распознавать колдовство. А потом я сама стала колдовством. Я сбежала, когда поняла, что вижу в темноте, а порезы на моих руках заживают быстрее, чем он успевает нанести новые. Я не знаю, была ли во мне тёмная кровь изначально, или я стала такой от ненависти. Но когда я ушла, Охотник остался в своём доме навсегда — в виде каменной статуи с выражением ужаса на лице. Я не убила его. Я просто попросила камень принять его в объятия. Камень — он добрый, он слушается, если просить правильно. С тех пор я Ивэ. Исследовательница Редких Проклятий. Я помогаю разрушать чары — но не потому, что я хорошая, — она подняла глаза на Кая, и в них плескался холодный янтарный огонь, — а потому, что я хочу понять, как работают проклятия. Все. До единого. Однажды я найду способ наложить такое, от которого не спасёт ни одно зеркальце и ни одна Чёрная Слеза. И когда найду... я вернусь в дом, где меня держали в клетке, и прочитаю его имя задом наперёд, чтобы оно никогда больше не звучало в этом мире.

Тишина в мельнице стала такой глубокой, что было слышно, как в углу вздыхают пленённые тени.

Мельник долго молчал, и жернова его скрипели тихо, печально:

— Твоя история... — он запнулся, — ...про зерно. Про то, как оно прорастает даже сквозь камень. Сено для зверя — в углу. Свеча догорит через шесть часов. Не выходите до рассвета.

Он встал и, не оборачиваясь, ушёл в темноту лестничного пролёта.

Кай, выждав, пока стихнут шаги, повернулся к Ивэ. На его лице не было жалости — только глубокое, сосредоточенное молчание. Потом он сказал тихо:

— Тот зеркальный осколок... я до сих пор храню его. Если когда-нибудь вам понадобится одолжить — просто скажите.

Ивэ вскинула бровь, но голос её дрогнул — самую малость:

— Вы сентиментальны, Кай-Буреход.

— Нет. Просто я знаю, каково это — годами таскать внутри незаконченную месть. И ещё я знаю, что иногда полезно, чтобы кто-то подержал зеркало, пока ты смотришь в него сам.

Когда они расстилали плащи на полу возле очага, Ивэ бросила Каю свой плед из шкуры виверны.

— Он теплее, чем ваша северная дерюга. Не благодарите.

— Я и не собирался, — соврал Кай, укутываясь в мягкий, пахнущий полыньё мех.

Ночью, когда свеча почти догорела, а Жёлудь и Зола мирно сопели в стойлах, Кай проснулся от того, что кто-то тихо напевал. Это была колыбельная — старая, протяжная, на языке, которого он не знал. Ивэ сидела у окна и смотрела на топи, а из её приоткрытых губ выходил не пар, а крошечные светящиеся искры, похожие на светлячков. Они гасли, едва коснувшись стекла.

Кай закрыл глаза и притворился спящим. У ведьмы должно быть право на свои колыбельные, даже если она об этом не просила. Даже если она никогда не признается, что всё ещё помнит слова.

Утром они не увидели мельника. Только на пороге лежали два свёртка: хлеб, запечённый с травами, и маленький пузырёк с болотной водой, которая, как гласила привязанная записка корявым почерком, «покажет дорогу, когда туман решит обмануть».

— В путь, — сказала Ивэ, забирая пузырёк. — Сегодня к вечеру будем у подножия горы Мёртвого Короля. И там, Кай, начнётся самое трудное.

— А разве до этого было легко? — усмехнулся тот, скармливая Жёлудю краюху хлеба.

Ивэ посмотрела на него долгим взглядом и ответила почти серьёзно:

— До этого мы просто ехали. А дальше придётся принимать решения, после которых люди обычно не остаются прежними. Вы готовы?

Кай затянул подпругу, проверил меч в ножнах и кивнул. Готов он был. Ко всему. Кроме, пожалуй, одного — того, что в её колыбельной было произнесено его имя. Но об этом он решил подумать позже.

Топи расступились, выпуская их на твёрдую землю. Впереди, пронзая облака, чернела гора Мёртвого Короля.

Глава 4. Сердце горы

Гора Мёртвого Короля выростала из земли не как обычная скала, а как нечто, что однажды рухнуло с небес и застыло, не долетев до дна. Склоны её были чёрными, словно обугленными, а на вершине, даже в ясный день, клубилась грозовая туча — неподвижная, лениво ворочающая молниями внутри себя. У подножия росли не деревья, а окаменелые стволы, в которых ветер иногда застревал и выл на разные голоса.

Кай спешил первым. Жёлудь, едва ступив на пепельную почву, всхрипнул и попятился.

— Тише, дружище, тише, — Кай провёл ладонью по его храпящей морде. — Дальше мы пешком.

Ивэ уже стояла на земле и разглядывала скальную стену, ведя по ней раскрытой ладонью, не касаясь, но будто считывая что-то невидимое.

— Вход здесь. Заперт на голос. Ваш голос, Кай. Карта в вашей голове — не просто набор образов, так ведь? Это ключ. Живой ключ. И пока вы не произнесёте слова, которые видели на той карте, гора будет молчать.

Кай медленно подошёл к скале. Он помнил. Помнил наизусть все сто двадцать шесть образов, что врезались в память в чреве каменной рыбы. Но первый образ — он был странным и тревожным. Не карта. Стих. Детский стих, который пела ему мать перед сном, только написанный задом наперёд и на языке, которого он не знал, но понимал.

Он набрал в грудь воздуха и произнёс — сначала тихо, потом громче, и голос его эхом отразился от склонов:

— *Aht ni ecalp erehw eht daed gnik smaerd...*

Слова повисли в воздухе. Какое-то время ничего не происходило. Потом скала дрогнула, и прямо перед ними протаял проход — высокий, арочный, уводящий в чёрную глубину. Изнутри пахло временем: пылью, забвением и чем-то сладковатым, как ладан.

— «В месте, где мёртвый король видит сны», — перевела Ивэ, чуть склонив голову. — Мило. Ваша матушка знала толк в колыбельных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.